

УДК 929:271.2

Протоиакон Алексей Подмарицын

АРХИЕПИСКОП ПАЛЛАДИЙ (КАМИНСКИЙ) В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ (1958–1963 ГГ.)

Аннотация: В статье на основе документальных материалов Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР последовательно рассматривается церковно-административная деятельность архиепископа Палладия (Каминского) в период хрущевских гонений на Церковь, в бытность его на Львовской и Оренбургской кафедрах.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Патриарх Алексей I, архиепископ Палладий (Каминский), церковно-государственные отношения, хрущевские гонения на Церковь, Западная Украина, Южный Урал.

Цитирование: Подмарицын А.Г., протоиакон. Архиепископ Палладий (Каминский) в период хрущевских гонений на Церковь (1958–1963 гг.) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 1 (22). С. 67–83.

Сведения об авторе: Подмарицын Алексей Геннадьевич, протоиакон, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Церкви Самарской духовной семинарии, заведующий кафедрой истории Церкви Самарской духовной семинарии, заведующий Самарским епархиальным архивом Самарской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) (Россия, Самара). E-mail: algepod@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.12.2021

Принята к публикации 07.02.2022

В 2021 году исполнилось 125 лет со дня рождения архиепископа Палладия (Каминского, 1896–1978), бывшего в непростую эпоху хрущевских гонений на Русскую Церковь Оренбургским архипастырем. Его жизненный путь отразил все перипетии истории нашего Отечества XX столетия: выходец из духовного сословия, успел окончить Одесскую семинарию, стать священником в 1920

году, подвергнуться аресту в 1937 году и, не отрекшись от сана и веры, долгие годы заниматься мирскими делами. Во время Великой Отечественной войны, после румынской оккупации (в 1944 году) он возвращается к пастырской деятельности, одновременно преподавая и работая в открывшейся Одесской семинарии, которая во многом ему обязана своим восстановлением. Овдовев, протоиерей Георгий принял монашество и в числе достойных был хиротонисан Святейшим Патриархом Алексием I во епископы – в первые годы его правления совершались десятки архиерейских хиротоний с целью восполнить чудовищные утраты 30-х годов. Последовательно занимая Полтавско-Кремнчугскую (1947–1952) и Волынско-Ровенскую (1952–1956) кафедры, в июле 1956 года он был перемещен на Львовско-Тернопольскую кафедру [4, с. 312]. Последние два места служения владыки Палладия отличало то обстоятельство, что большинство приходов в них до недавнего времени (1946 года) было униатскими. Местное население, не успевшее столкнуться с советской государственной политикой, направленной на уничтожение религии, сохраняло высокий уровень религиозности, что выражалось не только огромным, в сравнении с епархиями в других союзных республиках, количеством приходов (по несколько сотен) и наличием нескольких монастырей в указанных епархиях.

Ценнейший источник по истории Русской Церкви, «Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви. 1945–1970 гг.», позволяют последовательно, репрезентативно проследить в динамике события, связанные с противостоянием на региональном уровне архиепископа Львовского Палладия (Каминского) творившемуся советскому произволу на фоне аналогичных действий в столице Патриарха Алексия I в противостоянии партийным и советским чиновникам. В опубликованных письмах Святейшего Патриарха Алексия I в СДРПЦ, архиепископ Палладий (Каминский) упоминался в 1959 году 6 раз, в 1960 году – дважды, и один раз в 1963 году.

Известно, что после 1947 года в СССР полностью прекращается процесс открытия приходов и начинается обратный – их ликвидация. Сначала практически незаметный, он становится лавинообразным при наступлении хрущевской антицерковной реакции. Именно с этой государственной политикой, направленной на полное уничтожение религии в целом, и Русской Православной Церкви, как самой крупной религиозной организации в СССР – в частности, и столкнулся Преосвященный Палладий в свою бытность Львовским архиереем. 16 октября 1958 года были опубликованы закрытые постановления Совета министров СССР № 1159 «О монастырях в СССР» и № 1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей».

Согласно первому, предусматривалось изъятие у монастырей значительной части переданных им на правах аренды земельных угодий и резкое повышение фискальных выплат за оставшиеся: «Советам министров союзных республик было поручено установить для монастырей размеры земельных угодий, „имея в виду сократить размер земли, находящейся в их пользовании“, а также „установить, что имеющимися на территории монастырей национализированными и муниципализированными строениями (за исключением церквей) монастыри пользуются на основании арендных договоров, заключаемых с исполкомами районных и городских советов депутатов трудящихся“» [цит. по: 5, т. 2, с. 247].

Второе постановление начало действовать за 16 дней до своего вступления в силу (задним числом). Оно реализовывалось через министерство финансов и предусматривало увеличение в сотни раз отпускной цены на церковные свечи (являющиеся основным источником доходов, необходимых для существования Церкви) и соответственное увеличение прямого налога на изготовление свечей [5, т. 2, с. 236].

Как первое, так и второе обстоятельство имело непосредственное отношение к Львовской епархии, где располагалось несколь-

ко монастырей. Используя тактику экономического удушения монастырского хозяйства, власти подводили к закрытию монастырей. Уже в следующем году верующие столкнулись с массовой волной закрытия монастырей.

Во время беседы с Патриархом Алексием I 20 февраля 1959 года председатель СДРПЦ Г. Карпов заявил, что «Известно, что Патриархия в порядке дотации оказывает большую помощь монастырям. По мнению Совета, не пора ли отказаться от этой практики. Если же отдельные монастыри будут нуждаться в помощи со стороны Патриархии, то последняя должна согласовывать вопрос об оказании помощи с Советом» [5, т. 2, с. 241].

В марте того же года архиереи западно-украинских епархий, включая архиепископа Палладия, направили Патриарху рапорт, в котором указывали: «в связи с последовавшими некоторыми изменениями в землепользовании монастырей, появилась известная возбужденность среди верующих наших епархий, связанная с тем, что упорствующие униаты злорадно распространяют самые необоснованные слухи, в том числе и о ликвидации монастырей. Учитывая, что эти слухи связаны с тем, что в отдельных случаях при установлении форм нового землепользования имели место факты недостаточно объективного отношения к потребностям монастырей, мы считаем своим долгом просить Ваше Святейшество о ходатайстве перед соответствующими государственными органами о более внимательном и неспешном разрешении этих вопросов, дабы внести успокоение в среду монашеского духовенства и верующих наших епархий, и тем самым пресечь очень вредную и злорадную агитацию униатствующих. Со своей стороны мы свидетельствуем о полном понимании нами данного момента и связанных с ним правительственных мероприятий, и в деятельности нашей, руководствуясь благом Святой Церкви, будем подходить в вопросах церковной жизни с полным пониманием всех аспектов ее» [5, т. 2, с. 242–243].

2 апреля того же года на приеме Патриарха Алексия I, митрополита Николая (Ярушевича) и управделами МП прот. Н. Колчицкого председатель СДРПЦ Г. Карпов поднял вопрос о сокращении количества монастырей и скитов. Упомянув о том, что в течение 1947–1957 годов количество монастырей путем слияния было сокращено со 101 до 63, он, сославшись на поручение Совмина СССР, предложил сократить еще 28 обителей, на тех же условиях. Через день Патриарх прислал в совет письменное согласие [5, т. 2, с. 248].

28 мая 1959 года Патриарх препроводил в СДРПЦ прошение игуменьи Кременецкого монастыря со следующими соображениями епархиального архиерея Палладия: «Свято-Богоявленский монастырь г. Кременца существует с 1636 г. Это один из древнейших монастырей на западных рубежах православного мира. Он известен твердым, в течение более трехсот лет, стоянием в защиту Православной веры и русской народности против агрессии католичества, унии и колонизации.

Прошло несколько лет, и уже в 1958 году уполномоченным Совета по Тернопольской области начались и сейчас продолжаются, как со мной, так и руководством монастыря, разговоры и требования о необходимости нового перемещения монастыря из Кременца, теперь в Скит Почаевской Лавры, с тем расчетом, чтобы все монахи Лавры были сконцентрированы в главных корпусах Почаевской Лавры, а монахини – в Скиту той же Лавры.

Если бы положение было безвыходным, то такое перемещение устраивало бы в какой-то степени женский монастырь. Но монахини надеются на возможность сохранения за ними Кременецкого монастыря и просят меня ходатайствовать о сем перед Вашим Святейшеством. Правительственного постановления о закрытии монастыря в Кременце и о переселении монахинь в Почаевскую Лавру пока еще нет, поэтому к просьбе игуменьи присоединяюсь и я.

Если смотреть на это дело с практической стороны, то не приходится уже и говорить, что скит Почаевской Лавры не представляет

собой ничего завидного для женского монастыря, и ни в какой степени не соответствует их настоящему положению.

Сомнительной является и перспектива существования совместного двух монастырей – мужского и женского. Все это вместе взятое вынуждает меня просить Ваше Святейшество, по возможности, содействовать решению данного вопроса в пользу женского монастыря, т.е. оставления его на прежнем месте в городе Кременце» [5, т. 2, с. 257–258].

17 июня 1959 года состоялось постановление СМ УССР о ликвидации Кременецкого женского монастыря и скита Почаевской Лавры. 7 июля Патриарх сообщал в СДРПЦ о приехавшем от Львовского архиепископа Палладия протоиерее Коваль с рапортом владыки. Протоиерей просил Святейшего содействовать в его личной встрече с Г. Карповым. Встречи не было. Сам Патриарх, обращаясь к Карпову, отмечал: «Что можно сделать по рапорту архиепископа? Во всяком случае, мы, т.е. церковная власть, бессильны помочь, если со стороны гражданской власти не будет оказана помощь и разрешение этого вопроса, принявшего такие формы» [5, т. 2, с. 269–270].

Сам рапорт архиепископа Палладия достаточно обширен, в ходе исследования интересно было увидеть личное отношение архиерея к происходившему советскому произволу как центральных, региональных властей, так и к двуручнической позиции СДРПЦ, превратившегося к этому времени из посредника между властью и Церковью в послушного проводника незаконных директив сверху, абсолютно опровергавших публичные декларативные заявления партийного и советского руководства о соблюдении в СССР законности в религиозных вопросах.

Упомянув о распоряжении Патриархии о закрытии Кременецкого монастыря и скита Почаевской Лавры, полученное архиепископом 29 июня, он сообщил Патриарху, что «18–19 июня с.г. уполномоченный по Тернопольской области У.У. Кралик прибыл в Кременецкий женский монастырь и объявил о его

закрытии, причем изложил дело так: 15–16 монахинь переводятся в Корецкий монастырь, старухи в дом инвалидов или куда хотят, послушницы по домам для устройства на работу, храм закрывается.

Сообщение это вызвало в монастыре большое волнение. В своей беседе с монахинями уполномоченный допустил большую нетактичность, так он сказал: „Так это ж Ваш Палладий подписал...“. Так без всякой подготовки с нашей стороны, без соблюдения необходимой осторожности, подорвав сразу же авторитет епископа, уполномоченный начал весьма сложное дело закрытия монастыря». Помещения монастыря оказались заполненными прихожанами, дежурившими круглыми сутками. Далее архипастырь пишет: «Вспоминаю слова Вашего Святейшества, сказанные мне в Одессе 25 июля с.г.: „...Мы договорились, что, быть может, для такого дела понадобится и год и даже больше, смотря по обстановке, но нужно терпеливо и осторожно его проводить, чтобы не вызвать ненужных эксцессов...“» [5, т. 2, с. 271].

И далее – позиция самого архиерея: «обстановка действительно очень сложная. На одной и той же территории, находясь лишь в расстоянии около 20 км один от другого, одновременно закрываются два монастыря – дело в Западных областях Украины очень непопулярное. Я не имел возможности даже обдумать данное решение, как столкнулся уже с совершившимся фактом. Время года для данного дела очень неблагоприятное – как в одном, так и в другом монастыре много паломников. Монастыри не представляют собой нечто обособленное, с монахинями в отдельности было бы удобнее договориться, но тут на сцену выступают массы верующих, связанных с монастырями вековой традицией, как прихожан их храмов. Не обошлось, конечно, дело и без провокаторов. Необходимо принять срочные меры к ликвидации данного конфликта» [5, т. 2, с. 272].

В состоявшейся 16 июля 1959 года беседе с председателем СДРПЦ Г. Карповым Патриарх Алексей отметил озабоченность

«слезницами» из украинских монастырей, насельникам которых предлагают в 24 часа либо в 3 дня покинуть монастырь, переселяют в другие монастыри, где невозможно разместиться такому количеству людей. «Патриарх сказал, что Палладий просит оказать ему помощь в связи с болезнью, но я никого не посылаю. „Вообще, – сказал патриарх, – очень неприятная миссия возложена на меня и на нас закрывать монастыри, но согласие я Вам свое дал и я считаю, что вполне безболезненно это можно сделать, если это сделать в течение нескольких лет“» [5, т. 2, с. 258].

21 июля настоятельница Кременецкого монастыря игуменья Анимаиса безуспешно обратилась к Н. Хрущеву, К. Ворошилову, Г. Карпову. 29–30 июля 1959 года Кременецкий женский монастырь был ликвидирован, из 67 (по другим источникам, 61) насельниц которого 46 переехали в Корецкий женский монастырь Ровенской области, 15 уехали домой. В помещениях изъятого монастыря размещена больница. 10 августа был закрыт и скит Почаевской Лавры [5, т. 2, с. 259, 267].

10 декабря 1959 года состоялась встреча Г. Карпова и Патриарха Алексия I, где рассматривался целый комплекс осложнений, вызванных началом хрущевской антицерковной кампании: о введении колоссального налога на производство церковных свечей, повышение налогообложения духовенства, поднятие арендных и налоговых выплат с приходов и монастырей, шквальное закрытие последних. «Тов. Карпов заявил патриарху, что Совет не может согласиться с его заявлением о том, будто закрытие монастырей и церквей преследует цель уничтожения церкви. Тов. Карпов сказал патриарху, что вопрос о закрытии монастырей был обсужден с ним, что он весной с.г. дал свое согласие на закрытие в 1959 и 1960 гг. 28 монастырей из 63 имеющихся, после чего были приняты постановления правительств Союзных республик.

Тов. Карпов сказал патриарху, что Совет не может согласиться и с тем, будто закрытие монастырей вызвало большие протесты среди монашествующих и верующих. Правда, имели место

волнения среди монашествующих Кременецкого и Овручского монастырей. „Но Вам известно, что эти волнения были вызваны провокационными действиями Львовского архиепископа Палладия. Кстати, – заявил патриарху т. Карпов, – украинские органы власти просят удалить Палладия из Украины за его провокационные действия“. Совет по-прежнему остается при своем мнении о необходимости закрытия монастырей путем перевода монашествующих в другие монастыри за исключением лиц, пожелавших трудоустроиться.

„Однако, поскольку Вы, – сказал т. Карпов патриарху, – настаиваете на том, чтобы не закрывать монастыри вообще или их закрытие растянуть на длительное время, то Совет в силу наличия постановления правительства о закрытии монастырей не может решать этот вопрос. Решать этот вопрос может только правительство СССР. Совет не возражает повременить несколько с закрытием монастырей в Латвии и Литве, о чем Совет будет вести разговоры с правительством Литовской и Латвийской республик“.

Тов. Карпов разъяснил патриарху несостоятельность их тезиса о том, что закрытие недействующих храмов является доказательством нового курса государства по отношению к церкви» [цит. по: 5, т. 2, с. 294]. Он еще раз заявил Патриарху, что «неправильно делать из отдельных непродуманных действий некоторых уполномоченных вывод, будто сейчас все уполномоченные проводят какую-то новую политику в отношении церкви» [Там же]. Комментарии излишни.

Таким образом, СДРПЦ дал понять Патриарху, что вопрос об удалении Палладия с украинской кафедры должен быть решен. В своей справке по поводу выполнения постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 года «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», направленной в отдел пропаганды и агитации ЦК в мае того же года, совет информировал, что «архиерей Львовской епархии Палладий усиление контроля за соблюдением советского законодательства

о культах расценил как вмешательство в церковные дела, и в своем окружении заявил, что „вмешательство государства в дела церкви – это большой нарыв на теле Православной церкви“. Митрополит Николай уполномоченному Совету по г. Москве и Московской области говорил, что ему и „патриарху непонятно, что от нас требуется, чтобы духовенство не нарушало законы, а вот когда идет нарушение с противоположной стороны, то мер не принимают. Я имею в виду варварское закрытие церквей... об этих нарушениях патриарх намерен говорить на приеме у Н.С. Хрущева... Нам кажется, что нарушений обратной стороной гораздо больше и патриарха это очень волнует“» [цит. по: 5. т. 2, с. 299].

4 мая 1960 года новый председатель СДРПЦ В. Куроедов во время встречи с Патриархом Алексием заявил, что со стороны Львовского архиерея Палладия было допущено много злостных нарушений советского законодательства о культах и его нежелательно оставлять в дальнейшем управляющим епархией. Патриарх сказал, что принимает это сообщение к сведению и этот вопрос будет решен в ближайшем будущем. 31 мая 1960 года архиепископ Палладий был освобожден от управления Львовской епархией, отправлен в месячный отпуск для лечения, с последующим назначением на Оренбургскую кафедру взамен устранившегося того же числа епископа Михаила (Воскресенского), назначенного временно управляющим Казанской епархией [5, т. 2, с. 310].

Пик хрущевской антицерковной реакции в Оренбуржье совпадает с пребыванием на архиерейской кафедре архиепископа Палладия (Каминского), то есть с мая 1960 года по май 1963 года. Именно в это время прошла волна не только закрытия храмов, но и их варварского разрушения при массовых протестах населения и силовых репрессиях верующих со стороны административных структур. Количество храмов уменьшилось с 24 до 10. Количество зарегистрированного духовенства с середины 1960 до конца 1961 года сократилось с 54 до 35 [6, с. 71].

Прессинг коснулся не только духовенства и приходов, но и свечной мастерской – она служила важной составляющей экономической базы как самих приходов, так и епархии в целом. Уничтожить свечное производство можно было только финансовым прессингом (попытка уже осуществлялась в 1958 году в общесоюзном масштабе) или измором, путем перекрытия каналов снабжения сырьем. Вскоре добавился и административный нажим. Сокращалось число работников и служащих свечной мастерской.

Борьба за сохранение свечного производства была непосредственной причиной удаления из епархии правящего епископа Михаила (Воскресенского, управлял в 1953–1960 гг.). Кстати, он не устраивал чиновников СДРПЦ своим образом жизни, вообще расценивавших верующих, духовенство и архиереев с не комплементарной позиции, где смешивались этические и религиозные мотивы – верующие огульно представлялись борцам за светлое коммунистическое будущее либо хапугами, либо фанатиками. Владыка Михаил не относился ни к тем, ни к другим, и уже этим обстоятельством, по их соображениям, должен быть отстранен от управления епархии. Фронтовик, окончивший в свое время семинарский курс, он был пострижен после Великой Отечественной войны и поставлен на московский приход, откуда был призван к епископскому служению. Крайний нестяжатель, он удивил даже оренбургского уполномоченного СДРПЦ А. Березина (в 1958 году снятого с должности и судимого за получение взяток с духовенства) тем, что отменил ежегодный сбор денег с духовенства епархии на свои именины, ограничил сумму оклада, отказался от своей доли в доходах собора, отменил денежные подарки за служение в престольные праздники в церквях епархии. Возраставшие в середине 50-х годов епархиальные доходы владыка использовал на ремонт и украшение храмов и, будучи по второму образованию инженером, сам проектировал иконостасы, расширял состав церковных хоров и покровительствовал делу церковного пения.

Со сменой зимой 1960 года руководителя СДРПЦ и ужесточения политики в отношении религии отразились на обстановке в регионах. Оренбургский уполномоченный СДРПЦ П. Вдовин составил на 1961 год план закрытия храмов и деятельно принялся его воплощать.

Рассмотрим незаконное и циничное по своему содержанию закрытие и снос храма в Оренбургской епархии, в котором волею судьбы принял наглядное участие тогдашний глава страны Н. Хрущев.

С 10 по 30 марта 1961 года длилось противостояние верующих, прихожан Петропавловского собора города Бузулука, советской власти – городской, областной и всесоюзной инстанций. Храм под надуманным предлогом перепланировки города подлежал сносу. Уполномоченный П. Вдовин включил это мероприятие в намеченный план сокращения сети религиозных точек на 1961 год, пометив месяцем маем [1, л. 9]. Были оповещены: правящий архиерей – архиепископ Палладий (Каминский), он, по словам уполномоченного, отнесся к грядущему закрытию храма спокойно, приходской совет и члены двадцатки. Когда о сломе объявили в храме, верующие решили не уходить до тех пор, пока их делегаты не съездят в областной центр или в Москву. «Все были убеждены, что закрытие – дело местных властей» [7, с. 325]. Оренбургские областные инстанции лукаво сознались в своем бессилии верующим, и указали на местные власти Бузулука, как вершителей судьбы прихода. Делегаты успели съездить в Москву в Патриархию и СДРПЦ. В последнем их обнадежили, но по возвращении – в Бузулукском горисполкоме развернули. Пока делегаты снова ездили в Москву, храм в ночь с 30 на 31 марта насильственно был освобожден от верующих и развален. Пьяные мужики вкупе с силовиками под присмотром находившихся рядом представителей партийцев и городских властей «сортировали» верующих, применяя физическую силу, погружая на грузовики и вывозя их в другие населенные пункты.

Когда верующие добрались до Хрущева, визитировавшего тогда с лекциями в соседний с Оренбургской областью Казахстан, то последний дал нагоняй областному руководству за огласку. Рассказы об этом подтверждаются документально. В докладной записке председателю СДРПЦ В. Куроедову старший инспектор совета М. Овчинников, проверявший деятельность уполномоченного СДРПЦ по Оренбургской области П. Вдовина, так излагал обстоятельства, связанные с Н. Хрущевым. «Верующие г. Бузулука, узнав о намерении местных органов закрыть церковь, организовали круглосуточное дежурство внутри здания (одновременно в помещении находилось около 200 чел.), в то же время были направлены ходоки с жалобой к тов. Хрущеву Н.С. (в то время т. Хрущев Н.С. находился на зональном совещании в Казахстане). Проездом через Оренбургскую область т. Хрущев Н.С. встретился с первым секретарем обкома КПСС т. Шурыгиным В.А. и в беседе в частности заметил, что видимо неумело была организована работа по закрытию данной церкви» [2, л. 4]. После этого на бюро обкома первому секретарю Бузулукского райкома партии, председателю горисполкома и самому уполномоченному был вынесен выговор за плохую организацию работы по закрытию церкви в Бузулуке [Там же].

Игумен Иоанн (Снычев), будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, записал в своем дневнике 21 апреля 1961 года: «Безбожие торжествует, и в борьбе с Церковью применяет всевозможные способы ее ликвидации. Ложь, клевета, искажение всех исторических фактов, связанных с верой, насилие над человеческой совестью, угрозы и т.п. – вот те средства, которые употребляет безбожие. Нигде не найдешь защиты. Самоуправство местных властей доходит до крайних пределов. Каким варварством дышит произвол местных властей в разрушении Петропавловской церкви в г. Бузулуке! <...> Никакие законы сов. Конституции не имеют силы» [3, с. 145].

Уполномоченный П. Вдовин в ежегодной характеристике правящего архиерея так характеризовал архиепископа Палладия

(Каминского). «С первых же дней своего руководства он производит более приятное впечатление, чем его предшественник... Он прислушивается к рекомендациям и, во всяком случае, не мешает осуществлять необходимые меры» [6, с. 71]. Современный исследователь приводит две возможные причины такого поведения Преосвященного. Первая заключается в отличии степени массовой религиозности на Западной Украине от Оренбуржья; в отсутствии реальной поддержки от Патриархии; существенной разнице в количественных параметрах епархий. Вторая же причина – в возможном выборе архипастырем политики выжидания [6, с. 71]. Во всяком случае, в знаменитой классификации архиереев РПЦ 1968 года, составленной СДРПЦ, Палладий (Каминский) отнесен к самой реакционной группе. Это «те владыки, которые всячески пытаются обойти законы о культах и обеспечивают активное развитие церковной жизни» [6, с. 71].

О том, что архиепископ Палладий был на хорошем счету у Патриарха Алексия I, свидетельствует следующий факт.

Когда в 1963 году архиепископа Палладия перевели с Оренбургской кафедры на Рязанскую (что само по себе свидетельствует о благорасположении Святейшего), он был удостоен церковного ордена св. Владимира I степени. Орден этот появился в Русской Церкви в 1958 году, после десятилетнего ожидания разрешения советских властей. Мотивом к разрешению церковной награды явилось то обстоятельство, что Поместные Православные Церкви имели свои награды и периодически жаловали их русскому епископату. Кроме того, при развитии внешних связей Русской Церкви, что в своих же целях использовало советское правительство, необходимо было, кроме ценных подарков (дарившихся исключительно за церковный счет), награждать иностранных иерархов собственными наградами. 17 мая 1958 года на приеме Патриарха Алексия I и митрополита Николая (Ярушевича) Н. Хрущевым последним это разрешение было дано. Таким образом, награждение архиепископа Палладия (Каминского), при

еще находившимся у власти Хрущеве, высшей степенью единственного тогда церковного ордена указывало на личную поддержку его Святейшим. Дальнейшие перемещения святителя на кафедры Воронежскую (1965) и Тернопольскую (1968–1977) так же говорят о внимании Патриарха к судьбе гонимого иерарха.

Скончался архиепископ Палладий (Каминский) 6 июня 1978 года на покое в Одесском Успенском монастыре, в городе, где некогда принял монашеский постриг и был призван к высокому святительскому служению.

Действия иерархов РПЦ (например, Патриарха Алексия I, или архиепископа Палладия (Каминского) и многих других их современников) в период хрущевских гонений на Церковь могут быть восприняты как подчинение властям, но, на наш взгляд, эти действия были формой церковной дипломатии во имя спасения Церкви в условиях атеистической власти. Время показало дальновидность этой дипломатии – сама Церковь была сохранена, а ее идеологические противники канули в Лету. Вспоминаются споры третьвековой давности, кто же сохранил Русскую Православную Церковь в XX столетии – уехавшие за границу или оставшиеся в своем Отечестве. Сегодня неоспоримо ясно, что правы были и уехавшие – им выпала доля сохранить не только апостольское преемство, но и многое из церковных традиций дооктябрьской поры, что было утрачено в России; и правы были оставшиеся – они стояли вместе со своей паствой до конца.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1872.
2. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1972.
3. Иоанн (Снычев), митр. *Симфония жизни и служения. Из дневниковых записей.* – СПб., 2010. – 320 с.
4. Киреев А., протодиакон. *Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 гг.* – М., 2020. – 480 с.

5. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / под ред. Н.А. Кривовой ; отв. сост. Ю.Г. Орлова ; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. – М. : РОССПЭН, 2009–2010. – Т. 1–2.

6. Серпенинов, В. «Реакционный» архиерей. К 125-летию со дня рождения архиепископа Палладия (Каминского) // Журнал Московской Патриархии. – 2021. – № 8. – С. 66–73.

7. Стремский Н., прот. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. 3. – Оренбург, 2000.

Protodeacon Alexei Podmaritcyn

ARCHBISHOP PALLADIUS (KAMINSKY) DURING THE KHRUSHCHEV PERSECUTION OF THE CHURCH (1958–1963)

Abstract: The article, based on documentary materials of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers, consistently examines the church and administrative activities of Archbishop Palladius (Kaminsky) during the Khrushchev persecution of the Church, during his time at the Lviv diocese and the Orenburg one.

Key words: Russian Orthodox Church, Patriarch Alexy I, Archbishop Palladius (Kaminsky), church-state relations, Khrushchev's persecution of the Church, Western Ukraine, Southern Urals.

References

1. GA RF. F. R-6991. Op. 1. D. 1872 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Document 1872].

2. GA RF. F. R-6991. Op. 1. D. 1972 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Document 1972].

3. Ioann (Snychev), mitr. Simfonija zhizni i sluzhenija. Iz dnevnikovyh zapisej [A symphony of life and service. From diary entries]. St. Petersburg, 2010, 320 p.

4. Kireev A., protodeacon. Eparhii i arhierei Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1943–2002 gg. [Dioceses and Bishops of the Russian Orthodox Church 1943–2002]. Moscow, 2020, 480 p.

5. Pis'ma patriarha Aleksija I v Sovet po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete narodnyh komissarov – Sovete ministrov SSSR. 1945-1970 gg. [Letters of Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – Council of Ministers of the USSR. 1945–1970]. Moscow, 2009-2010, Vol. 1-2.

6. Serpeninov V. «Reakcionnyj» arhierej. K 125-letiju so dnja rozhdenija arhiepiskopa Palladija (Kaminskogo) [“Reactionary” bishop. To the 125th anniversary of the birth of Archbishop Palladius (Kaminsky)]. In *Zhurnal Moskovskoj Patriarii* [Journal of the Moscow Patriarchate]. 2021, No. 8, pp. 66–73.

7. Stremskij N., prot. Mucheniki i ispovedniki Orenburgskoj eparhii XX veka [Martyrs and confessors of the Orenburg Diocese of the twentieth century]. Book 3, Orenburg, 2000.